

Роман Николаевич Лункин, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа».

РПЦ и другие христианские конфессии: совместима ли религия с демократией и развитием гражданского общества?¹ Демократична ли религиозная политика?

Тотальный поворот к атеизму в ранний советский период был связан, в основном, с тем, что критика в отношении Русской православной церкви не могла вырасти на религиозной почве. Других религиозных течений среди русского народа почти не было. К примеру, протестантские церкви только в 1920-е гг. укрепили свое положение, но вместе с православными попали под нож репрессий. К 2020-м гг. снова возникает опасность внутренней изоляции православия. Безусловно, это связано не с жестокими гонениями, как ранее, а скорее с критикой и заметным охлаждением общества к деятельности церковных служителей, к руководству РПЦ. После «проправославного консенсуса» 1990-х и 2000-х гг., когда Церковь и православие воспринимались всеми категориями общества как нечто сакральное, откат в сторону приземленного восприятия Церкви в какой-то степени совершенно естественен. РПЦ стала более живым, открытым, социально активным организмом, чем была еще в начале 2000-х гг., и молодежь, интеллигенция увидели разные стороны церковной жизни. Но насколько сильным будет этот откат, зависит не только от самих православных, но и от их окружения в обществе.

В связи с этим большое значение имеет существование христианской среды, где между собой в той или иной степени сотрудничают разные конфессии. Межрелигиозный диалог, но прежде всего, межхристианский, чрезвычайно важен для восприятия Церкви, формирования христианской культуры в обществе, создания пространства гражданской солидарности. В плюралистическом обществе господствующая Церковь (РПЦ самый мощный гражданский институт в России) не может существовать в вакууме. Иначе, во-первых, она в большей степени воспринимается как часть государственной системы, и довольно трудно каждый раз объяснять (как это делают спикеры РПЦ), что это не так. Во-вторых, в отличие от европейских стран в России секулярное постсоветское общество часто не помнит и не знает никаких религиозных традиций прошлого – постсоветский человек слишком легко воспринимает антирелигиозные идеи. В связи с этим сами священнослужители часто жалуются на равнодушие «захожан», агрессивное нежелание следовать всем церковным предписаниям и т.д.

Миссия других церквей (протестантов, католиков) в этой ситуации провоцирует религиозные поиски, прививает азы христианской веры, заставляет прочитать Евангелие. Вопреки сложившемуся в православной среде мнению этот своеобразный прозелитизм (обращение потенциально православных в другие церкви) не разрушает православную церковь, а лишь помогает ее росту. В большинстве случаев именно сознательные практикующие протестанты обращаются в православие, чем практикующие православные

¹ В сокращенном виде материал опубликован в статьях в «Независимой газете»: Лункин Р. Демократия в рясах. Почему рядовое духовенство вступилось за осужденных по "московскому делу". НГ-Религии. 08.09.2019. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2019-09-18/3_7679_cart.html; Лункин Р. Почему крепнет антиправославный консенсус. НГ-Религии. 03.09.2019 URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2019-09-03/12_471_antiortodox.html; Лункин Р. Эпоха развитого традиционализма. Конституционная поправка о Боге отражает консервативный характер российского государства. НГ-Религии. 17.03.2020. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-03-17/10_483_vision.html

в баптизм или пятидесятничество. В случае с католицизмом сложнее – волны православных периодически идут в католические общины, но масштаб переходов намного меньше, чем масштаб протестантской миссии. Однако среди прихожан других конфессий присутствует скептическое отношение к РПЦ из-за того, что они вынужденно ощущают себя гражданами «второго сорта».

На фоне вполне успешной внешнеполитической миссии РПЦ и диалога с протестантами (к примеру, Ассоциацией Билли Грэма) и Ватиканом (пиком стала Гаванская встреча папы и патриарха в 2016 г.), поражает предвзятое отношение к неправославным христианам внутри России.

Практическое воплощение дискриминация христианских конфессий получила в рамках двух элементов государственной политики: контроля миссионерской активности и ограничений в праве владения и использования религиозного имущества. Первым стал пакет законов, принятый в 2016 г., известный как «пакет или Закон Яровой». За прошедшие три года правозащитники не раз поднимали вопрос о пересмотре этого закона в части регулирования миссионерской деятельности на Совете по правам человека при президенте РФ и корректировке расплывчатых определений миссионерства и случаев маркировки литературы. Однако четких ответов ни от Конституционного суда РФ, ни от Верховного суда РФ, который обобщал практику по этому закону, добиться не удалось. В итоге, по информации Славянского правового центра и Центра «Сова», число дел по Закону Яровой подходит к тысяче, а штрафов за «незаконную миссионерскую деятельность» выплачено около 7 млн руб. Штрафы накладываются за собрания религиозных групп без уведомления властей, за распространение религиозной литературы и проповеди в публичных местах, за крещение в реке или детскую площадку при храме, к примеру, за отсутствие табличек с полным наименованием церкви на домах, где проходят собрания. Самобытный российский «налог на миссионерство» выплачивают в основном протестантские церкви (баптисты, евангелисты, пятидесятники, адвентисты).

Прямым следствием Закона Яровой стало стремление властей конфисковать или по крайней мере запретить религиозные собрания в частных домах под предлогом нецелевого использования зданий (по Закону Яровой миссионерская деятельность в жилых помещениях запрещена). Все это накладывается на сложившуюся практику, когда власти не дают разрешений на строительство Домов молитвы для протестантов, препятствуют их сдаче, а частные дома нельзя перевести в статус культовых зданий. В результате в 2018 г. в Новороссийске снесен молитвенный дом пятидесятников (в Москве еще в 2012 г. в Новокосино до Закона Яровой был снесен Дом молитвы этой же конфессии), в 2019 г. в поселке Верхнебаканский вблизи Новороссийска общине баптистов запретили собираться в частном доме (аналогичные ситуации возникали в Краснодарском крае, Татарстане, Орле). В Туле власти собираются снести даже два Дома молитвы – баптистов и евангельских христиан. Надо сказать, что в наиболее сложную ситуацию попали именно баптисты, которые отказываются от регистрации в органах власти с советских времен и собираются в частных домах (Совет церквей евангельских христиан-баптистов). Их штрафуют в массовом порядке. Основное отличие церковных дел от любых других дел вокруг имущества – это произвольная трактовка определения миссионерской деятельности не в пользу верующих определенных конфессий.

Если Закон Яровой применяется широко в большинстве регионов России, то Закон о передаче имущества религиозного назначения религиозным организациям 2010 г. местные власти к неправославным конфессиям предпочитают не применять. Вопреки просьбам верующих, Католической церкви не переданы здания в Москве (храм свв. Петра и Павла в

Милютинском переулке), хотя в 2017 г. суд признал комплекс имуществом религиозного назначения). Власти отказали католическим общинам в передаче им храмов в Калининграде, Красноярске, Барнауле, Кирове, Благовещенске, Чите, Белгороде. В Смоленске здание костела разрушается, но его упорно не отдают общине. Формально отказы часто объясняются чисто хозяйственными причинами, на деле – отсутствует политическая воля и желание отдавать их же церкви неправославным.

Евангелическо-лютеранской церкви России (глава – архиепископ Дитрих Брауэр) власти не возвращают исторические здания храмов в Краснодаре и Смоленске. Особая ситуация по неизвестной причине сложилась в Крыму, где после 2014 г. ЕЛЦ заявила свои права на лютеранские кирхи. Власти фактически отказываются передавать здания в Евпатории (здание оказалось на территории, принадлежащей Минобороны РФ, оно постепенно разрушается), в Ялте, в Судаке, Симферополе (община собирается в пристройке к храму). Справедливости ради надо сказать, что в 2017-2018 гг. власти передали в собственность ЕЛЦ храмы в Москве и Ярославле (хотя депутаты местного заксобрания предлагали отдать кирху РПЦ). Другой крупной юрисдикции - Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии - власти Петербурга в 2018 г. отказались отдавать историческое здание Дома причта на Кирочной улице.

У баптистов и евангельских христиан своих исторических зданий практически нет. Но баптистам власти отказались передать Дома молитвы в Калининградской области, которые до 1945 г. использовались как культовые здания. Союз баптистов России также не может уже много лет вернуть или хотя бы получить доступ к сохранившемуся Дому Евангелия в Петербурге, где в начале XX в. собиралась община евангельских христиан Ивана Проханова. О компенсациях за снесенные в советский период Дома молитвы (как правило, частные) даже не идет речь, учитывая, что и современные собрания в жилых домах подпадают под штрафы и запреты по Закону Яровой.

Проблемы возникают и у таких традиционных конфессий как старообрядчество. Здания отказываются отдавать старообрядческим общинам в Саратове, Кирове, Петербурге (Чубыкинская богадельня), в Москве. Правда, после того, как президент В. Путин посетил Рогожскую слободу в 2017 г. староверам была обещана поддержка. Власти помогали в реставрации комплекса Рогожской слободы, начали процесс переселения старообрядцев из Латинской Америки в Сибирь. Но есть и другие примеры. В 2018 г. в Иваново власти передали храм старообрядцам, но тогда, когда он уже сгорел. В июне 2019 г. в Сочи строящийся старообрядческий храм был опечатан и находится под угрозой сноса по жалобе фонда «Талант и успех», так как храм оказался выше построек находящегося под патронажем президента В. Путина образовательного центра «Сириус». В августе 2019 г. правительство Москвы даже ответило отказом на ходатайство воссоздаваемой старообрядческой общины храма Успения Пресвятой Богородицы, что на Апухтинке (Таганский район столицы) о проведении молебна у здания.

Можно и далее продолжать перечисление бесконечных мытарств христиан в России. Беспорядок в религиозной политике и в применении законодательства с применением чисто антирелигиозных методов советского времени очевидны. Вместо культивирования среды отчуждения в мире верующих – самых активных граждан – стоит подумать о том, как создать солидарное общество, которое в конечном счете выгодно всем. Путь выхода из ситуации должен быть комплексным. Из-за царящего произвола в стране неизбежно создание единого органа по взаимодействию с религиозными объединениями и политике в этой сфере. Сейчас верующие не знают к кому обращаться, а единой информацией о религиозных институтах никто не обладает. Чтобы не ассоциироваться с советом по делам

религий у нового органа не должно быть контрольных функций, но подразделения в региональных органах власти быть должны. Существующая Российская ассоциация религиозной свободы как общественная структура вполне может заниматься не только анализом ситуации за пределами России, но и налаживать диалог церквей и традиционных религий на местном уровне внутри страны. РПЦ может стать ключевым элементом солидарности российского общества. На низовом уровне православие готово прервать молчание: молодое духовенство в РПЦ вполне открыто к общению и обмену опытом с другими конфессиями (хотя иногда скрывает это от руководства). Российское государство часто жестоко и бесцеремонно наводило порядок в духовной сфере, пришла пора ценить каждого верующего и каждую общину.

Демократично ли духовенство?

Никто не ожидал, что православные священники столь ярко и консолидированно могут выступить в защиту несправедливо осужденных и оппозиционно настроенных граждан. В 2000-е гг. были случаи, когда епископы и духовенство ходатайствовали за губернаторов, мэров и глав районов. Которые хотя и были коррупционерами, но строили храмы. Однако открытой фронды по отношению к власти и к определенной части общества со стороны представителей РПЦ не было никогда.

Открытое письмо священников в защиту заключенных по «московскому делу» от 17 сентября 2019 г., безусловно, войдет в историю. Его подписало более 180 духовных лиц (иереев, протоиереев и диаконов). Это не просто призыв отпустить кого-то из заключенных (хотя под петицией в поддержку актера Павла Устинова также уже есть подписи священнослужителей). Дело Константина Котова приводится лишь как пример, прежде всего, потому что он был задержан с плакатом со словами протоиерея Александра Меня «Милосердие – то, к чему мы призываем» и призывом к обмену пленными с Украиной. Письмо является своего рода декларацией ценностей прав личности, понимания справедливости, этического кодекса сотрудников правоохранительных и судебных органов. Не случайно целый абзац посвящен именно соблюдению прав человека в суде, поскольку карательное правосудие и безнаказанность представителей власти стали самой обсуждаемой общественной проблемой. Священникам удалось избежать радикальной политизации своей акции, так как они не выразили поддержки ни одной политической партии или кандидатам в Мосгордуму. Составители письма также не стали давать оценку московским протестам в целом.

Уникальность этого обращения не только в том, что это первая подобного рода политическая и нравственная акция духовенства. В новейшей истории России еще не было таких масштабных выступлений. Письмо поддержали не только священники, которых считают «православными либералами» (о. Алексей Уминский, о. Александр Борисов), но и широкий круг батюшек из российской провинции, из дальнего и ближнего зарубежья, которые не являются ни известными консерваторами, ни либералами. После того, как число подписавших перевалило за сорок человек, сработал эффект «снежного кома», и многие другие рядовые священнослужители потеряли страх перед начальством и стали подписывать обращение. Многие, только узнав о наличии такого письма, поставили свою подпись. Среди таких известных подписантов - православный диссидент советского и постсоветского времени — протоиерей Георгий Эдельштейн, клирик Костромской епархии. К обращению присоединился и представитель Русской Архиепископии в Западной Европе, недавно перешедшей в РПЦ, историк и публицист диакон Александр Занемонец и многие другие.

Но само по себе обращение выходит далеко за пределы обычного политического манифеста с требованием правды и милосердия по отношению к жестокой власти. В церковно-политическом смысле произошел бунт низшего рядового духовенства против высшего церковного начальства и его где-то молчаливой, где-то абсолютно лояльной властям позиции. Среди подписавших письмо нет ни одного епископа, хотя в РПЦ их более 300, и около 100 епископов представляют собой новое поколение, появившееся при патриархе Кирилле в ходе раздела митрополий на небольшие епархии.

Молодое поколение рядового приходского духовенства (30-50 лет), составляющее значительную часть подписавших письмо, громко заявило о себе, вообще о своем существовании. Теперь с этим фактором гражданского общества придется считаться всем — и масс-медиа, и епископату РПЦ, и светским чиновникам. Новое поколение оказалось по роду своего служения ближе к почве, к интересам людей, простых прихожан. Как справедливо и не раз отмечал патриарх Кирилл в своих проповедях, в Церковь пришло много молодежи за последние десять лет, это уже не бабушки в платочках. Костяк общин, особенно, в мегаполисах, это активные граждане среднего возраста с детьми. Конечно, большая часть верующих настроена скептически по поводу далеких «московских протестов» и любой оппозиционной деятельности, ориентируясь на установки российского телевидения. Однако молодое духовенство прислушивается к активным прихожанам, к тому поколению, которое осознанно пришло в храм и резонно ожидает того, чтобы церковь была совестью общества. В каком-то смысле священники как практики выбирают будущее православия, свободное от идеологической связи с государством и связанное с вполне осознанной неформальной евангельской миссией, с желанием не потерять молодежь для христианской веры.

То, насколько изменилась РПЦ за последние годы, хорошо видно, если сравнить с ситуацией 2012 года. В то время лишь несколько энергичных священников заявляли о своем несогласии с властью, причем и со светской и с церковной. За честные выборы выступали отец Дмитрий Свердлов (уволен за штат), отец Федор Людоговский (подписал нынешнее обращение), тогда же было в той или иной степени запрещено выступать с оппозиционными речами и статьями игумену Петру (Мещеринову), а протоиерей Андрей Кураев стал главным критиком патриарха Кирилла и недостатков церковной жизни. Для руководства РПЦ такое поведение ряда священников стало шоком, особенно, после скандала вокруг Pussy Riot, и патриарх Кирилл назвал диссидентов «предателями в рясах». В ходе полевых исследований и интервью с настоятелями многих приходов автору и его коллегам приходилось много раз слышать критику патриарха и политики руководства РПЦ после 2012 г. Как отмечает социолог религии Сергей Филатов, изменилась сама атмосфера, еще в начале 2000-х гг. рядовое духовенство в епархиях было забитым и боялось сказать даже слово о чем-либо, не говоря уже о критике архиерея. Теперь все по-другому, появилась смелость и самостоятельность в высказываниях и творческих инициативах, которые строятся на демократических принципах. Тем более что новым молодым епископам требуется все больше социальных и культурных проектов для отчета наверх. Фактическое противопоставление РПЦ демократическому движению, жесткая позиция по поводу осуждения Pussy Riot и любых протестов, одновременно с бюрократизацией самой патриархии и выстраиванием вертикали власти — все это, по мнению многих батюшек, сильно повредило миссионерству среди молодого поколения.

Контраст между мировоззрением этого активного духовенства и начальством виден невооруженным глазом в оценке письма о «московских протестах» со стороны зампреда Отдела по взаимоотношениям с обществом и СМИ РПЦ Вахтанга

Кипшидзе. Это как-будто бы два мира, которые, видимо, не соприкасаются между собой. В сухом бюрократическом тоне представитель Синодального отдела обвинил священников в политической и даже правозащитной деятельности, хотя в этом нет ничего постыдного или греховного. И если в свое время Мария-Антуанетта накануне Французской революции посоветовала голодным - «Если у вас нет хлеба, ешьте бриоши», Вахтанг Кипшидзе посоветовал духовенству вместо призывов к милосердию собирать средства на адвокатов, то ли для себя, то ли для осужденных оппозиционеров. Официальная реакция Синодального отдела во главе Владимиром Легойдой в заявлении 18 сентября 2019 г. оказалась оригинальной. Основные призывы духовенства были проигнорированы. Проверка виновности фигурантов «московского дела» была возложена на Правозащитный центр Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС), который стал известен защитой тех, кто разгромил выставку в Манеже в 2016 г., а также намерением решать вопросы, связанные с противодействием строительству храмов (курирует работу центра заместитель главы ВРНС (с 2019 г.) предприниматель Константин Малофеев). При этом, священники были обвинены в непрофессионализме, так как им «неизвестны детали уголовных дел».

Особенно цинично эта оценка бунта рядового духовенства выглядит на фоне угроз, которые нависли теперь над многими провинциальными батюшками. Ясно, что популярных московских священников никто не тронет, но кто знает, какие меры местные епископы предпримут к подписавшим обращение иереям из Кузнецкой, Братской или Урюпинской епархий, из Нижнего Новгорода, Кемерово, Тамбова и т.д. Сочтут ли их неблагонадежными, выгонят ли с богатого прихода и пошлют ли в бедный. Как подчеркнул митрополит Иларион (Алфеев) в своей программе «Церковь и мир», рядовые священники живут очень скромно, большинство получает такую же зарплату, как и их прихожане, а в регионах это 10-15 тыс. руб. Бесправие священников с женами и детьми перед епископской властью позволяет говорить о большой смелости многих подписавших обращение.

Меньше всего представители духовенства думали об образе Церкви в обществе, но именно такого рода заявления привлекли и привлекают к православию многих. Потенциально это очень миссионерская акция. Когда еще главный атеист страны телеведущий Владимир Познер согласился бы с Церковью хоть в чем-либо, но сейчас он с православными. Возможно, что батюшки не правы в некоторых конкретных деталях уголовных дел и «московские протесты» это совсем не протесты праведников. Однако честные и открытые ответы на острые и наиболее болезненные вопросы о справедливости, нравственности правосудия, уважении к личности, о милосердии сполна искупают возможные ошибки.

Демократично ли общество и государство?

Поправка о вере в Бога в Конституции является одним из самых ясных и приемлемых для большинства предложений, внесенных в новый текст Основного закона. Это положение понятно и не имеет двусмысленного толкования. Вряд ли можно также заподозрить наличие каких-либо негативных или скрытых от глаз граждан последствий этой поправки. Вместе с упоминанием брака как союза мужчины и женщины вера в Бога составляет тот небольшой элемент, который в рамках Конституции можно назвать традиционными ценностями. По существу только вера и семья, построенная по библейским ценностям, соединяют нас с христианской, по преимуществу, Россией нашего досоветского прошлого, и обеспечивают чувство преемственности истории и поколений, даже если в реальности этого уже давно нет.

Предложение патриарха Кирилла упомянуть о вере в Бога в Конституции, поддержанное другими религиозными лидерами России (как и положение о браке), можно объяснить разными политическими причинами. Однако именно провозглашение традиционных идеалов является очередным, за последние тридцать лет, шагом к преодолению тяжелого советского наследия. Положение о «государствообразующем русском народе» также подчеркивает новые акценты в самоопределении России. Несмотря на неоднозначность формулировки про «русский язык государствообразующего народа» и «многонациональный союз равноправных народов», она объективно отделяет Россию от Советского Союза, позволяет ей больше не делать вид, что Российская Федерация это не только наследница, но и чуть уменьшенная копия СССР. На пике возвращения «советского человека» с его стереотипами и фобиями Запада, шпионов, заговоров, страстью к военным триумфам (судя по исследованиям «Левада-центра», проводившимся после 2014 г.), все советское стало превращаться в мертвую и давящую декорацию. Страна, готовая и дальше голосовать за стабильность, что психологически понятно, с иронией относится сама к себе и к власти.

Между тем, разлом между советским и антисоветским обостряет обсуждение существующих в обществе проблем. По сути среди российской политической и культурной элиты существует два идеологических направления: антисоветское, которое не находит оправдания советскому «эксперименту», и «всеядное», которое стремится показать, что в каждый период нашей истории были свои герои и свои победы, а также «идеалы, переданные нам предками». Вместе с тем, по существу второе направление можно назвать «советским», так как всерьез споры идут, конечно, не о времени Петра Великого и царя Алексея Михайловича, а о том, что «хорошего» найти в советский период (Ленин лучше Сталина, Великая Победа и промышленное развитие как искупление репрессий, позднесоветская интеллигентская культура как образец демократии и вольнодумства, избавление от РПЦ как института как благо и т.д.). Именно представители «советского» направления больше всего критиковали саму возможность упоминания веры в Бога в Конституции, как нечто противоречащее светскости государства и как наступление «клерикализма». Хотя ни одна религия, ни одно божество не были провозглашены приоритетными. Большевицкая нетерпимость к присутствию религии в публичном пространстве, особенно, если она приобретает реальное влияние, воспитывалась как нечто собой разумеющееся на протяжении многих поколений. Как это ни странно, но эта идея укоренилась и стала процветать в российских либеральных кругах, которые принадлежат к «всеядному» советскому течению. Теперь Конституция будет постоянно напоминать о вере в Бога.

Традиционализм российского православия, помимо проповеди семейных ценностей, включает в себя антисоветскую идеологию. Для Русской Церкви невозможна иная нравственная оценка советской власти, кроме как обозначение ее как «безбожной», преступной, воспитавшей в обществе лицемерие и равнодушие к вере. Таково основное направление риторики руководства РПЦ и рядового духовенства: глава Отдела внешних церковных связей митр. Иларион не раз высказывался о Сталине как палаче, московский священник отец Дмитрий Смирнов резко осуждал и Сталина, и советскую власть, превративших Россию в «царство хамья» и приведших народ к полной деградации. Именно стремление пробить стену «безбожия» и стало причиной многих заявлений отца Дмитрия Смирнова о «бессмысленной жизни атеистов», о «женщинах-бесплатных проститутках» в гражданском браке, о желательности трансляции «Закона Божьего» в прайм-тайм по телевидению и т.д. В ряду противостояния советской культуре стоит и почитание царя Николая и его семьи – именно поэтому такой конфликт вызвал показ

фильма «Матильда». Либеральной интеллигенции святой царь-мученик оказался не нужен ни как святой, ни как слабый государственный, не сумевший потопить в крови ни революцию, ни народ так, как это сделали потом большевики. Представителям РПЦ приходится сталкиваться с представлением о неэффективности веры, церкви, и особенно, православия для развития России (об этом говорил телеведущий Владимир Познер). И с этой точки зрения вера в Бога как положение в Конституции чрезвычайно важно не только для православных, но и для всех верующих, к которым часто относятся с подозрением, или же по старой советской привычке считают «чужими» (как протестантов и католиков).

В чем же заключается традиционализм нашего государства, и почему раньше нельзя было утвердить веру в Бога и традиционные ценности в рамках правовой системы? Контуры консервативного российского государства сформировались в 2010-е гг. на фоне необходимости самоопределения России по отношению к Западу и растущего разделения западного мира на традиционалистов и условных либералов. В этих условиях Россия выбрала свой путь демократического консерватизма, который основывается на личности президента Владимира Путина (демократическое развитие всегда декларируется как цель, а авторитаризм никогда не доходит до крайностей). Перефразируя слова спикера Госдумы РФ Вячеслава Володина, можно сказать, что Путин – это консервативное государство. Для президента важна поддержка РПЦ и «традиционных религий», отношения с патриархом, православие как основа «русского мира». Президент подчеркивает свою веру в Бога тем, что часто молится в простом приходском храме на Пасху и Рождество, а не на торжественной службе с патриархом. Это создает ощущение неформальной веры. Президент В. Путин провозглашает необходимость помощи христианам на Ближнем Востоке и акцентирует внимание на защите традиционных ценностей в противовес потерпевшему, по его мнению, крах либерализму. В данном контексте положения о вере в Бога, о браке как союзе мужчины и женщины делают Россию одним из лидеров глобального лагеря традиционалистов, в который входят консервативные силы Европы и президент США Д. Трамп.

Такой традиционалистский поворот чрезвычайно важен для российского православия (другие религии и конфессии, как правило, поддерживают РПЦ как флагмана религиозной жизни). С одной стороны, это возможность напомнить обществу о моральных обязательствах и важности соблюдения христианских заповедей. Хотя в отличие от конституций ряда европейских стран в Конституции России не прописана ответственность страны и народа перед Богом, а «идеалы», которые «переданы предками», могут трактоваться и как общечеловеческие гуманистические ценности. С другой стороны, возникает ответственность самой Церкви перед обществом и государством, поскольку именно Церковь исторически имеет духовные полномочия для оценки того, что соответствует «вере в Бога», а что ей не соответствует. В отношении этого элемента Основного закона РПЦ может стать своеобразным «конституционным судом», выносящим те или иные решения. Ведь Церковь уже проявляла себя как демократический институт гражданского общества (к примеру, патриарх Кирилл призывал парламент разработать специальное семейное законодательство, резко ограничить аборты, митр. Иларион осуждал происходящее расслоение на бедных и богатых как итог деятельности правительства, священники РПЦ выступили осенью 2019 г. в защиту фигурантов московского дела и т.п.). Безусловно, можно ничего и не решать и не выступать, однако в таком случае «веру в Бога и идеалы» будет формировать бюрократия и политики, а православие разделит с ними ответственность за судьбу консервативной государственной идеологии и реальное воплощение нашей новой Конституции.